

«От кризиса к краху» – такой печальный маршрут начертил для русских правых в своей новой чрезвычайно интересной и поучительной книге А.А. Иванов. Не сгустил ли он краски? Нет, работа написана объективно, опирается на широкий круг архивных документов и других источников. Выводы автора хорошо обоснованы и не вызывают возражений. Да, в годы Первой мировой войны правые находились в состоянии продолжающегося кризиса, а то, что случилось с ними после Февральской революции, иначе как крахом не назовёшь.

Кризис правого движения наметился ещё до войны. Как справедливо отмечает автор, «предвоенное время уже было для правых периодом постепенного упадка (практически он начался с 1908 г.), который лишь усугубился во время войны» (с. 54). Вооружённое столкновение с консервативной Германией не могло не создать для русских правых серьёзного идеологического дискомфорта. Это была «не их война», поскольку «традиционно в своей внешнеполитической ориентации правые придерживались приверженности к кайзеровской Германии, с большой осторожностью относясь к сближению с республиканской “революционной” Францией и конституционной Англией» (с. 77). И хотя правые парламентарии активно помогали «фронту и тылу» (этой теме посвящён отдельный, весьма содержательный параграф монографии) и рьяно боролись с «немецким засильем» (с. 232–248), им всё же не удалось избежать обвинений в германофильстве и стремлении к сепаратному миру (с. 109–124).

Добротная работа А.А. Иванова важна не только как профессионально выполненное конкретно-историческое исследование. Она представляет интерес и для тех, кто размышляет над общими тенденциями развития Российской империи в начале XX в. Не так давно С.В. Куликов охарактеризовал Николая II как реформатора, вынужденного играть роль консерватора во избежание «народного сопротивления модернизации». По мнению исследователя, царь не был близок к черносотенцам и игнорировал их политические рекомендации<sup>66</sup>. А.А. Иванов также указывает на то, что «правительство стеснялось ультраправых взглядов своих добровольных защитников, столь непопулярных в “культурном обществе”, пытаясь отмежеваться от них» (с. 55). Вместе с тем, как показано в книге, правые являлись оппозицией сложившейся с 1905 г. политической системе и часто выступали с резкой критикой руководителей ведомств, надеясь «путём дискредитации заставить уйти в отставку отдельных неугодных консервативному крылу министров» и тем самым изменить правительственный курс (с. 203–207). Но если политика власти не отвечала взглядам консерваторов, носила ли она консервативный характер? А если нет, то не следует ли, вслед за С.В. Куликовым, назвать Николая II «реформатором»?

Сам термин «правые» применительно к России начала XX в. также требует уточнения. А.А. Иванов относит к ним фракцию правых Государственной думы и правую группу Государственного совета, объединяя их понятием «правый спектр» (с. 4). Иначе говоря, он относит к правым лишь те парламентские объединения, которые сами называли себя таковыми, исключая из их числа

\* Текст подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00032.

<sup>66</sup> Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 33, 42. См. также: Куликов С.В. Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Отечественная история. 2009. № 4.

русских националистов. Д.А. Коцюбинский, С.М. Санькова, М.Л. Размолодин также видят в русских националистах представителей либерально-консервативного или национально-либерального течения, принципиально отделяя их от крайне правых (с. 19). Другой точки зрения придерживается И.В. Омелянчук, размещающий националистов «на умеренно-правом крыле консервативного (черносотенного) движения»<sup>67</sup>. А.А. Иванов убедительно доказывает, что Всероссийский национальный союз нельзя причислять к черносотенным организациям<sup>68</sup>. Но к правому спектру в целом националистов отнести всё же можно. Их либерализм, если и проявлялся, то носил скорее политический, ситуативный, а не идеологически обусловленный характер. В основе либерализма лежит стремление защитить независимость и имущество личности от принудительного воздействия государства и общества. Соответственно, всё, что нацелено на укрепление принципа неприкосновенности частной собственности и ослабление государственного вмешательства в экономику, можно назвать «либеральным»<sup>69</sup>. А националисты, как и правые, выступали за государственное регулирование народного хозяйства и политику протекционизма. И потому либералами ни те, ни другие не являлись. С другой стороны, неприятие принудительного отчуждения помещичьих земель – признак либерализма. Но твёрдо настаивали на соблюдении прав землевладельцев при решении аграрного вопроса не только националисты, но и правые (с. 235–236). То есть и здесь они выступали солидарно.

Разное же отношение их к некоторым преобразованиям Столыпина было обусловлено не идейной несовместимостью, а отдельными субъективными факторами. Не следует забывать, что в начале работы III Государственной думы будущие националисты составляли с правыми единое целое. Тогда к правым относились все, кто правее октябристов. И идеологически все они были едины, что резко выразилось в ноябре 1907 г. при обсуждении в Думе адреса на имя Николая II. Правые предлагали при обращении к царю использовать титул «самодержец», однако большинство, состоявшее из октябристов, кадетов и прогрессистов, поддержало другую редакцию, в которой император «самодержцем» не назывался. Тогда правые подготовили собственный адрес, включив в него этот титул. Тем самым они (в том числе и будущие националисты) продемонстрировали, что признают Николая II неограниченным монархом и сохраняют верность известной уваровской триаде.

Последующий раскол фракции правых в III Государственной думе был в большей степени вызван не идейными разногласиями, а усилиями П.А. Столыпина. В социальном плане её основными элементами являлись представители Западного края (русские помещики, крестьяне и православные священники) и землевладельцы центральных чернозёмных губерний России. Столыпин, сам ковенский помещик, столкнувшись с противодействием руководства фракции правых, отколол от неё сначала помещиков Юго-Западного края – возникла группа умеренно-правых, а потом помещиков Северо-Западного края – появилась национальная фракция правых. В результате их объединения в 1909 г.

<sup>67</sup> Омелянчук И.В. О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. // Вопросы истории. 2008. № 4. С. 102.

<sup>68</sup> Иванов А.А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И.В. Омелянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11.

<sup>69</sup> Подробнее об этом см.: Селезнёв Ф.А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 22.

и образовалась Русская национальная фракция, занявшая левую часть правого спектра, в то время как крайне правые (черносотенцы) заняли его правый фланг. Символом идейной и организационной близости тех и других служило в III Думе Осведомительное бюро, координировавшее их действия. Тянуло правых и националистов друг к другу и в IV Думе. Их бывшее единство, как показывает А.А. Иванов, едва не восстановилось в августе 1915 г. на базе противодействия Прогрессивному блоку (с. 166–170).

В Государственном совете председатель правой группы гр. А.А. Бобринский был членом киевского клуба русских националистов и совета старшин Всероссийского национального клуба. Член совета правой группы А.А. Макаров являлся выдвиженцем и верным сподвижником П.А. Столыпина, а С.Е. Крыжановский и вовсе – правой рукой реформатора. С.И. Зубчанинов в III Думе входил в Русскую национальную группу. А.А. Поливанов поддерживал тесную связь с октябристом А.И. Гучковым и пользовался симпатиями либеральной оппозиции. Все эти члены правой группы по своим взглядам находились ближе к националистам, нежели к думским правым. Тем не менее все они, конечно, могут быть отнесены к правому спектру «русского парламента».

Что объединяло правый спектр Думы и Государственного совета в единое целое? Прежде всего общая социальная основа – дворяне-помещики. Впрочем, в думской фракции имелись ещё два существенных элемента – православные священники и крестьяне (с. 61). Наличие их в рядах правых было отнюдь не случайно. Консерваторы – это защитники ценностей традиционного общества, основа его экономики – сельское хозяйство, социальная стратификация в нём сословная, а культура носит преимущественно религиозный характер. Характерно также, что представители «горожан» (т.е. среднего класса – главного социального продукта модернизации), как отмечает А.А. Иванов, среди правых в это время практически отсутствовали.

Означало ли это, что предпринимательское сообщество Российской империи целиком находилось на стороне либералов? А.А. Иванов, похоже, близок к такому выводу. Во всяком случае, он утверждает, что либерально-оппозиционные настроения в торгово-промышленной среде «были всегда сильны» (с. 158), а саму либеральную оппозицию он называет «буржуазной» (с. 207, 320). Между тем анализ массовых политических предпочтений российской буржуазии показывает, что мелкая буржуазия поддерживала черносотенцев, а средняя отдавала предпочтение октябристам, затем черносотенцам и лишь потом – кадетам. И только крупное купечество явно сочувствовало октябристам<sup>70</sup>. Однако приверженцы правых имелись и среди хозяев больших предприятий (преимущественно – тяжёлой индустрии). Как известно, в феврале 1916 г. прошёл I съезд представителей металлообрабатывающей промышленности, лидеры которого старались установить контакт с представителями правого политического спектра. В результате националистом П.Н. Крупенским в мае 1916 г. был учреждён клуб «Экономическое возрождение России», куда вошёл и председатель группы правых в Государственном совете гр. А.А. Бобринский<sup>71</sup>. Монополисты тяжёлой промышленности, видимо, понимали, что свержение самодержавия потянет на дно и их отрасли, которые царское правительство пестовало и лелеяло

<sup>70</sup> Селезнёв Ф.А. Политические предпочтения буржуазии Москвы и Нижнего Новгорода в 1906–1907 годах // Отечественная история. 2006. № 1.

<sup>71</sup> Подробнее см.: Селезнёв Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 158.

с момента их создания<sup>72</sup>. Так в действительности и случилось<sup>73</sup>. Но русские аграрии не успели протянуть руку промышленникам, прочный альянс между ними так и не сложился, что и привело к краху правых, мастерски описанному в книге А.А. Иванова.

### ***Фёдор Гайда: Активность правых нередко приближала их поражение***

Деятельность правых в период Первой мировой войны ранее не привлекала особого внимания историков, поскольку эти годы считались временем острого кризиса их организаций. Согласен с этим и А.А. Иванов, исследующий их путь «от кризиса к краху». Но оправданна ли такая заданность и можно ли весь опыт правых этого времени уместить между двумя столь грозными словами? Не важнее ли разобраться в причинах слабости и поражения такого политического течения, которое, казалось бы, вполне могло рассчитывать на успех? Ведь правые исповедовали принципы, на которых веками зиждилась империя; они апеллировали к самым разным группам населения, включая наиболее многочисленные; их лидеры не были лишены политической воли и ораторских талантов, а организации, по крайней мере на бумаге, являлись самыми массовыми в стране; даже в эти годы они, в отличие от многих других, получали от правительства негласную материальную помощь. Пожалуй, ни одна другая политическая сила того времени не находилась в столь благоприятных обстоятельствах. Или же их кризис был вызван общим состоянием самой империи? Как соотносились общие и частные, связанные собственно с деятельностью правых, факторы краха монархического движения в России?

Как отмечает автор, оба парламентских объединения – думская фракция и группа в Государственном совете – составляли «единый политический организм» и претендовали на статус основного штаба правых в стране (с. 467, 473). При этом между ними было существенное различие: члены Совета дистанцировались от «улицы» (с. 473). Подобное поведение было уместно в XIX в., но после 1905 г. политики, претендующие на всероссийское значение, вынуждены были считаться с массами. В результате «единый организм» заметно хромал: одна нога не достигала «почвы», а думский пафос, с заметным налётом популизма, плохо сочетался с охранительным законничеством и «спокойствием» «советских» правых, чья нередко разумная (хотя и не всегда) критика поступавшего в палату законодательства сочеталась с практически полным нежеланием выступать с какой бы то ни было законодательной инициативой. Всё это не способствовало укреплению положения правых и создавало им образ всероссийского пугала, чем активно пользовались их противники.

А.А. Иванов справедливо проводит чёткую грань между собственно правыми и более умеренными силами – националистами, правым центром и т.д. Это разделение необходимо, хотя оно и не всегда осознавалось и признавалось как современниками, так и исследователями. Действительно, только правые выступали за неограниченное самодержавие монарха (с. 4). Однако после Манифеста 17 октября 1905 г. борьба за это входила в видимое противоречие с официальной царской волей. Кроме того, такую борьбу приходилось вести в

---

<sup>72</sup> Селезнёв Ф.А. Промышленная политика государства: исторический опыт России // Вопросы экономики. 2011. № 4. С. 149–153.

<sup>73</sup> Селезнёв Ф.А. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март–июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 111–119.